

С. Л. КАТРЕЧКО

Вещная онтология Аристотеля vs. событийная онтология Трактата

В истории философии можно выделить три возможных типа онтологии¹. В первой из них утверждается, что *мир* «сделан» из *вещей*, которые являются его исходными первоначалами. В античности эта, тяготеющая к номинализму, *вещная онтология* был представлена, например, концепциями Аристотеля и Демокрита, которые, несмотря на их различия, тем не менее, принадлежат к онтологии одного типа. Их отличие лишь в масштабе *вещизма*: в первом случае постулируется, что мир состоит из вещей; во втором утверждается что «кирпичиками» мира являются *атомы* (элементарные частицы) как *микровещи*, из которых, в свою очередь, состоят стандартные для нас вещи. Причем именно *вещная онтология* до сих пор остается господствующей онтологией современного мирозерцания (естествознания).

Второй и третий тип онтологии, в отличие от первого, основаны на *предикатной* трактовке бытия и постулируют *не-вещный* характер мира. Если мы принимаем классический подход к структурированию предложения (resp. мира) в виде «*S есть P_x*», то вещная онтология акцентирует свое внимание на том, что «*S есть —*», где «*S есть*» представляет собой неразрывный комплекс, а «*S*» — *сущность* вещи, которая выступает *субстанцией* для предикатов вещи (resp. грамматически *S* выступает

---

¹ Термин «онтология» будет использоваться нами в двух взаимосвязанных, но несколько разных смыслах. В первом — изначальном — смысле онтология означает учение о *бытии*, или *сущем самом по себе* (Аристотель; *metaphisica generalis*). Во-вторых, онтология — это учение о том, как устроен Мир (Космос), т. е. какие *онтологические допущения* об устройстве Мира мы принимаем (*metaphisica specialis*). Далее мы будем говорить о *конкретной онтологии* (во втором смысле), которая зависит от общего понимания *бытия*.

субъектом предложения). Предикатные же онтологии — это онтологии типа «— есть P_x », в которых «вещи» (resp. субъекты предложения) являются уже вторичными образованиями и определяются не *сущностью*, а своими *предикатами*. Соответственно, *бытие* при этом соотносится здесь уже не с *субъектом*, а с *первопредикатом «есть»* (resp. связкой предложения) и выступает *трансцендентальным условием* остальных «реальных» предикатов вещи ($P_1, P_2, P_{3...}$).

В свою очередь, в предикатной онтологии можно выделить два подтипа. В первом из них *бытие* выступает как *свойство* (resp. унарный P_n^1 предикат), где *свойство* трактуется как неразрывный предикативный комплекс «— есть P_n^1 ». Именно *свойства вещей* онтологически первичны, а вещи, являясь онтологически вторичными, выступают как «пересечения» свойств (bundle theory of substance). Например, *стол* — это (нечто) *деревянное, прямоугольное, желтого цвета, предназначенное для письма*, где *нечто* полностью предопределяется своими свойствами (как унарными предикатами). Первой и определяющей теорией такого типа является онтология Платона, поэтому эти онтологии могут быть названы *онтологиями платоновского типа*. Можно показать, что в такой трактовке *идеализм Платона* никаким идеализмом в обыденном понимании этого слова не является: первичность платоновского «мира идей» можно понимать как простое признание первичности *свойства* (предикативного комплекса «есть P_n^1 ») по отношению к *вещи* (субъекту S). Более того, подобные концепции (онтологии платоновского типа) *более реалистичны*, по сравнению как с онтологиями аристотелевского типа, так и с натуралистическими онтологиями современного *естествознания*, которые признают реальное существование материи (в качестве *универсалии*): ведь в опыте нам даны не «скрытые» аристотелевские *сущности* и не постулируемая современной физикой гипотетическая *материя* (например, *темная материя* астрономов), а *реальные свойства* вещей, которые можно зафиксировать объективно, например, с помощью органов восприятия или приборов.

Следует заметить, что онтологии аристотелевского и платоновского типа, скорее, не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Это два разных взгляда на мир, фиксирующие его разные срезы, каждый из которых имеет право на существование (аналогично корпускулярно-волновому дуализму в физике). Они выступают как два необходимых (трансцендентальных) условия существования вещей: первая постулирует наличие *единой* самождественной *сущности* (материи) в качестве необходимой

«подпорки» для свойств вещи, а вторая — необходимость «причастности» вещей к миру идей, который выступает условием возможности обладания вещами тем или иным набором свойств.

Экспликация второй из предикативных онтологий в истории философии была осуществлена значительно позже. *Бытие* трактуется в ней как *отношение* (n-арный предикат P_n^k), а одним из ее вариантов является «Логико-философский трактат», в котором утверждается, что мир состоит не из вещей, а из *фактов*. При этом *факт* выступает как что — то отличное от вещи, как некоторое *отношение* между ними или «комбинация вещей». Тем самым именно *отношения* являются в *Трактате* первичными, а вещь определяется тем набором взаимодействий, в которые она может вступить, причем *возможность* этого, согласно Витгенштейну, уже должна быть «заложена в [самом предмете]».

Это принципиально отличается от онтологий аристотелевского типа, в которых первичной выступает *сущность*, а *отношение* имеет дополнительный к сущности и *случайный* характер: «[Существующее] само по себе, т. е. сущность, по природе первичнее отношения — последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущего»². На подобное принижение категории «отношение» Платон, предвосхищая рассуждение из *Трактата*, мог бы возразить так: *действительно существует* лишь обладающее «по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо [само] испытывать... воздействие»³, т. е. то, что способно к *взаимодействию*. Тем самым выявляется еще одно трансцендентальное условие — наличие *отношений* (взаимодействий), вне которых ни одна вещь в мире не смогла бы существовать (resp. бытие выступает при этом основанием любых «реальных» отношений)⁴. Приписать *вещам* онтологический статус существования можно только при выполнении всех трех трансцендентальных условий.

Таким образом, можно выделить три типа онтологий: онтологию *вещей*, *свойств* и *отношений*. Каждую из них можно соотнести с тем или иным типом языка. При *вещной онтологии* ключевой структурой языка выступает институт имен существительных. При трактовке *бытия как свойства* на первое место

² *Аристотель*. Никомахова этика. 1096a20.

³ *Платон*. Софист 247e.

⁴ Точнее сказать так: если бы даже вещь и существовала, то поскольку она не вступает ни в одно из отношений, то мы никогда не могли бы об этом узнать, поскольку познание также является отношением между объектом и субъектом.

в языке выдвигается институт имен прилагательных. При понимании *бытия как отношения* ключевой структурой языка выступают уже не отдельные *слова*, будь то существительные или прилагательные, а цельные *предложения*, в которых выражаются *факты* взаимосвязи предметов. Например, вместо предложения «*Камень падает*», что предполагает постулирование существования в мире аристотелевских «первых сущностей» — вещей (здесь: *камней*), которые могут совершать какие-то действия, при предикатной трактовке бытия как отношения *факт падения камня* выражается глагольным предложением типа «*камнит*»⁵.

* * *

Перейдем теперь к более детальному анализу онтологии *Трактата*, понимание которой неоднозначно. Ниже мы представим собственную интерпретацию онтологии «Логико-философского трактата» Витгенштейна. При этом будем исходить из того, что:

— онтология *Трактата*, изложенная в основном в разделах 1–2, представляет собой логизированное описание мира, т. е. является *логической онтологией*;

— она не постулирует наличие в мире каких-то неизменных сущностей типа аристотелевских «вещей», т. е. имеет *несубстанциональный* (невещный) характер⁶.

Специфика онтологии *Трактата* состоит в том, что здесь сделана попытка описания мира как *системы взаимодействий* (взаимодействующих тел), а в качестве ее важного эвристического принципа выбирается *изоморфизм* мира и языка. Решение данной задачи предполагает определенное соотношение статики (синхронии) и динамики (диахронии). Логический анализ позволяет зафиксировать моментальный снимок имеющихся «положений дел» (*Sachlage*) или «фактов» (*Tatsache*), а далее данная «картина мира» может конкретизироваться и обогащаться путем обнаружения новых фактов и получения следствий из старых. Поводом к нашей интерпретации *Трактата* послужил перевод термина «*Sachverhalt*» на русский язык не стандартным термином «событие», а оригинальным термином «*со-бытие*»

⁵ Здесь мы не различаем *онтологию действий*, связанную с языком *глаголов* и *онтологию фактов* (*resp. предложений*), которые можно отождествить: в любом *предложении*, по сути, фиксируется тот или иной *факт* свершившегося действия. Хотя это не исключает выделения *онтологии действий* в качестве еще одного самостоятельного типа онтологии.

⁶ Впервые подобная интерпретация онтологии *Трактата* была предложена на интернет-форуме «От Канта к Витгенштейну: мир “Логико-философского трактата”» и в наших работах.

(транслитерация.: so-bytie, где bytie = esse), что подчеркивает *совместный* статус существования объектов, т. е. немыслимость существования объекта «вне возможности его сочетания с другими»⁷. Если в классической онтологии *вещь* мыслится как нечто *самодостаточное (закрытое)*, то в *Трактате* она предстает как *открытая* навстречу другим «вещам» *со-бытийность*; вещь предопределяется присущей вещи системой взаимосвязей, поскольку «существует как бы в пространстве возможных со-бытий»⁸.

«Простой факт» (Sachverhalt), совокупностью которых в конечном итоге определяется логический мир *Трактата* (поскольку сложные факты состоят из более простых), изоморфен простому *предложению*, описывающему некоторое событие типа «На столе лежит книга», т. е. имеет *структуру* «*A—x—B*», где «*—x—*» — обозначает определенное взаимодействие (взаимосвязь) между *A* и *B*. Существенными для понимания онтологии *Трактата* представляются разделы 2.01–2.02, которые фиксируют ее отличие от вещной онтологии. Если для Аристотеля первоэлементами мира являются неизменные по своей сущности вещи «*A*» и «*B*», которые и предопределяют «*—x—*», то для Витгенштейна первичной является *функциональная связь* «*—x—*». Тем самым, предметы, по Витгенштейну, нельзя мыслить полностью изолированными, а их вырыв из системы взаимосвязей является слишком сильным огрублением, недопустимым в общем случае.

Что лежит в основании предпринятого в *Трактате* онтологического *поворота*? Если предметом нашего анализа является лежащая на столе книга, то для ее описания можно использовать *обыденный* телесно-визуальный язык, поскольку все предметы нашего мира относятся к «субстанции протяженной» (Декарт). Субстанциональность в данном случае означает, что происходящими с книгой текущими изменениями в принципе можно пренебречь: книга и завтра останется *той же* самой, а ее *тождественность* предопределяется *сущностью* вещи. Но если нам нужно описать какой-то *процесс*, например импульс электрического тока и создаваемое им магнитное поле, то *ток* (resp. *магнитное поле*) уже не является какой-то *константной вещью*, обладающей неизменной сущностью и существующей наподобие *книги*. Пример с *током* побуждает нас более критично отнестись к постулированию аристотелевских сущностей, хотя суть витгенштейновского поворота связана, скорее, не с динамической природой *тока*, а с тем, что он являет собой пример не чувственно

⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 2.0121.

⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 2.013.

воспринимаемого, как в случае с *книгой*, «вещи», что указывает на ограниченность телесно-визуального описания, характерного для классической онтологии: в мире присутствуют не только пространственные вещи, но и не-визуальные *события*, и *описание* мира, если оно претендует на адекватность и универсальность, должно это учитывать. Таким универсальным языком описания как раз и выступает, согласно Витгенштейну, *логика*, понимаемая в широком смысле как общее учение о *функциях* (Г. Фреге). Например, *событие тока* (ср. с витгенштейновским «фактом») можно описать некоторой формулой, выражающей зависимость *силы тока от напряжения и сопротивления* (закон Ома), которые здесь выполняют роль базовых конститuent. В общем, любое *событие* задается *логико — функциональным пространством* («положением дел»), «силовые линии» которого «связывают» находящиеся на них «вещи», т. е. предопределяя ее характеристики, тем самым конституируя ту или иную «вещь».

В каком-то смысле, соотношение вещной и событийной онтологий аналогично соотношению элементарных частиц и полевых структур в физике. Событийная онтология, постулируя первичность полевых структур по отношению к частицам, является *холистской* в противоположность *элементаристской* онтологии вещей. Если же обратиться к современной математике, то различие между вещной и событийной онтологиями можно пояснить так. Существующая в настоящее время математика, основанная на фундаменте *теории множеств*, хорошо согласована с классической онтологией: множество представляется как своеобразное *овеществление* свойств, т. е. трактуется как *мета-вещь*, а задающий множество признак выступает как его внутренняя сущность. Для *событийной же онтологии* более адекватным языком является математическая *теория категорий*, которая рассматривается в настоящее время как серьезная альтернатива теоретико-множественному подходу. В ее рамках объекты определяются не *внутренним*, а *внешним* способом, через систему стрелок, соответствующим взаимосвязям данного объекта.

Понятно, что в событийной (в общем случае — в предикативной) онтологии статус *вещей* становится другим. На начальном этапе нашего познания никаких индивидуальных вещей — вещей в обычном понимании — нет, а есть неопределенные объекты — *квази-вещи*, находящиеся во взаимодействии друг с другом, которые можно представить в виде размытых множеств. По мере опытного накопления фактов *границы* этих множеств, за счет разбиения на классы и «пересечения» однотипных фактов, будут

уточняться, и на каком-то этапе происходит такая их детализация, что *квази-вещи* превращаются в привычные для нас — индивидуальные — вещи.

Поясним вышесказанное на примере с молотком. Согласно положению 1.1. *Трактата*, первоначально у нас нет *вещи-молотка* (resp. *понятия* молотка), а есть только факт «забивания *чего-то чем-то*», который описывается предложением « $A - x - B$ ». *Молоток* будет соотноситься здесь с активным компонентом этого факта, с *тем-чем-забивают*, и этой функции будет соответствовать, например, следующее множество [молоток, камень, рулон бумаги, ваза...], состоящее из тех предметов, которые в принципе (потенциально) могут участвовать в акте (факте) забивания⁹. Но после того, как мы попытаемся нашим *молотком* забить в стену «гвоздь»¹⁰, т. е. проверить, является ли истинным этот факт, то окажется, что рулон бумаги истреплется, а хрустальная ваза разобьется. Поэтому на втором этапе «рулон бумаги» и «ваза» будут исключены, а *молотку* будет соответствовать уже более узкое множество {молоток, камень...}. Если же мы попробуем забить в бетонную стену гвоздь, то и *камень*, как один из возможных кандидатов на роль *молотка*, также не сможет выполнить *молотковую* функцию и поэтому должен быть исключен из первоначального множества. Таким образом, в процессе накопления фактов *квази-молоток* будет постепенно доопределяться, что и будет означать его «превращение» в привычную для нас вещь — *индивидуальный молоток*. На уровне языка описанная выше процедура соответствует накоплению фактов « $A_1 - x - B$ », « $A_2 - y - C$ », « $A_3 - z - D$ »..., на основе которого *квази-вещь* A сначала будет соотноситься с A_1 , далее — с «пересечением» $A_1 \cap A_2$, потом — с $(A_1 \cap A_2) \cap A_3$ etc. Таким образом, неопределенный характер *квази-вещей* в *функциональной онтологии Трактата* указывает на возможность их дальнейшего уточнения, то время как аристотелевские вещи, предопределяемые своей сущностью, логически остаются *теми же самими*.

Специфика онтологии *Трактата* достаточно точно выражается с помощью следующей метафоры выдающегося физика-теоретика XX в. Дж. Уиллера. Он предлагает рассмотреть два варианта игры

⁹ В рамках вещной онтологии, мы в общем случае можем произвольно назвать *молотком* любой из этих индивидуальных предметов; в событийной же онтологии *вещь* задается, прежде всего, через ее *функцию*.

¹⁰ Понятно, что *гвоздь* также является *квази-вещью* (для подчеркивания этого мы применили закавычивание термина), поскольку также определяется через свою *функцию* — как *то* (пассивное) — *что* — *забивают*, но здесь мы этим для простоты изложения пренебрегаем.

в 20 вопросов. В первом случае, который соответствует стандартной онтологии, *вещь* дана заранее, и мы должны за 20 вопросов, путем построения соответствующего классификационного дерева, угадать то, что было задумано. Во втором же случае (что соответствует *миру Трактата*) никакой первоначально данной вещи нет, но поскольку *ответы* на последовательно задаваемые *вопросы* (resp. физические эксперименты) должны быть согласованными друг с другом, то совокупность ответов (resp. витгенштейновских «фактов») *задает* искомую вещь, и поэтому спрашивающий также может «угадывать», точнее, конституировать, первоначально неопределенную вещь (хотя если последовательность задаваемых вопросов будет изменена, то и искомая вещь, возможно, будет другой). В этом смысле онтология Трактата соответствует не только *логической*, но и *квантовомеханической* картине мира с ее постулатом о важной роли *наблюдателя* в познании.

